

ТВ было щедро в июле, показав подряд передачи с популярнейшими своими героями, актерами и учеными, как И. Андроников или А. Аникст, наделенными артистизмом. В день памяти А. П. Чехова вновь — в который раз! — прошла «Скучная история» в постановке П. Резникова с Б. Бабочкиным в главной роли. И вновь поразила тем, что устаревать не желает... Судьба несправедлива к артисту, которого уже 15 лет нет с нами. Ленивая память наша прикрепила его к одной роли — Чапаев в кино, — а он ведь был и чеховским, и горьковским героем, и сказочным «ундером» в «Правда хорошо...», и силой одного лишь голоса разворачивал на радио фантазмагорию гоголевского «Вия». Это он в 60-е годы открывал нам нового Чехова. Как скоро, однако, мы все забываем, изучая нынче Чехова в основном «по Штайну» или «по Стрелеру» (нет слов, выдающимся режиссерам) и почему-то не дорожа собственным немалым богатством — от Бабочкина, от Эфроса и многих, многих других.

Старый профессор, на закате дней подводящий невеселые итоги своей жизни, сыгран Бабочкиным с бесстрашной откровенностью и величайшим подъемом. Этот колючий, порою неприятный старик, который вовсе не

вений весны» — поражал и разнообразием своей манеры, созданных им человеческих типов, и неизменной в любых ролях интеллигентностью. И началась ретроспектива И. Андроникова, его знаменитых устных рассказов, где на экране нужен только он сам — его одушевленность и сдержанность, артистическая живость и благородная простота, а каждый момент закадрового комментария к чему-то воспринимается как досадная помеха в общении.

Продолжать можно далее — добрых примеров много. За ними, однако, вырисовывается нечто не только к ТВ имеющее отношение. Творческая личность, в первую очередь свободный и сильный актер, становится сейчас в искусстве интереснее и важнее всего, и не только потому, что в целом «сдала» режиссура или затаилась где-то до поры невостребованная драматургия. Растет потребность в человеческом содержании искусства, что обнаружилось в минувшем сезоне в «живом» театре, в реакциях зрителей и что мы сами можем подтвердить для себя, сидя сейчас у телевизора и вглядываясь в эти старые и вечные ленты.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

Из старых лент

стремится нравиться нам, держит полтора часа у экрана с такой силой, что и не помышляешь вырваться. Все интересно в нем — даже то, о чем он молчит. Происходит то, что в искусстве труднее и дороже всего — драма мысли. Вот оно рядом, то знаменитое и таинственное «подводное течение» Чехова, что делает актера и нас готовыми к любому повороту, вспышке, потрясению даже.

В чем секрет притяжения — в мастерстве? Оно бесспорно и по сей день современно. Игра Бабочкина так свободна, проста, органична, что это порою ставит в тупик. Что-то позволяет ему эту свободу...

Когда-то я назвала свою рецензию об этом спектакле «С доверием к Чехову». Сейчас важно другое: доверие к зрителю, доверчивая открытость, с которой ведет свою труднейшую партию актер, дар контакта с кем-то, кто находится по ту сторону телевизора. При этом «кто-то» — не безымянная тысячная масса телезрителей, но явно некто один, доверенное лицо автора, актера, героя. Каждый из нас вправе почувствовать себя этим лицом и взволноваться от доверия. В свободе такая нравственная основа культуры, которая исключает фамильярность, небрежность или самодемонстрацию мастерства. «Интеллигентность тона» — заветная и загадочная фраза Чехова — становится понятной только тогда, когда она есть.

Ее в те дни было много — настоящий, царский подарок после... после иного. По образовательной программе шла передача «Бернард Шоу» — тоже золотой фонд ТВ. Если Бабочкину было трудно играть литературного, вымышленного героя, то что сказать о Р. Плятте, которому предстояло сыграть историческое лицо, к тому же — с неповторимым нравом и непредсказуемыми реакциями? Самая тщательная имитация не убедила бы никого, но здесь, с первого появления на экране старика с косматыми бровями и острым веселым взглядом, возникло ощущение: он. Теперь уже никто не переубедит меня, что Шоу был другим, а не этим ехидным и вскидываемым острословом с затаившейся добротой во взгляде. (Как не может для меня стать иным старый профессор из «Скучной истории» — понимаю, что не научно, и все же, все же...).

Плятту, впрочем, было несколько легче — у него был партнер, оппонент, собеседник, ведущий с ним диалог на равных и не сдающий позиций. Это автор и ведущий передачи А. Агикст, благодаря 80-летнему юбилею которого передача вновь появилась в летнем эфире.

А потом шла ретроспектива Плятта, где он — от героя тургеневской «Провинциалки» до незабвенного пастора Шлага из «Семнадцати мно-

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

МНЕ достался «мертвый сезон» — время летних отпусков и гастролей, когда театров в Москве почти нет. Все же и теперь, если не слишком ленишься, можно получить немалые впечатления — при помощи радио, ТВ, а то и собственной памяти (в затишье хорошо вспоминается).

Театральные радости сейчас на ТВ редки. В основном это информация да старые ленты. Поводы бывают разные — юбилейные и печальные, но всякий раз они дают толчок нашей памяти, а телевидению — случай вновь доказать, что оно есть настолько же «око в мир», насколько и хранилище нашей культуры.

В чем магия телевизора, когда в рамке его «всего лишь» знакомый актер, но магия столь властная, что может заставить нас переключиться с других программ с горящими новостями дня? Вопрос не новый — существует столько же, сколько и ТВ, — обостряясь время от времени; вероятно, не новым окажется и ответ.